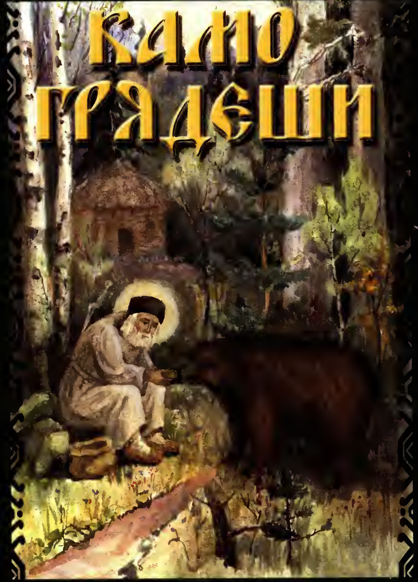
МИССИОНЕРСКИЙ СБОРНИК №9

КАМО ГРЯДЕШИ

Московская Духовная Академия

2008

Миссионерский сборник №9

Камо грядеши

Московская Духовная Академия
2008

По благословению
архиепископа Верейского ЕВГЕНИЯ
Ректора Московской Духовной Академии
и Семинарии

ТАЙНА СВЯТОСТИ

Жизнь сердца есть любовь...
Св. прав. Иоанн Кронштадский

Дорогой друг, задумывался ли ты когда-нибудь, что такое святость? Что значит «святой человек», «святая душа»? Наверное, ты скажешь, что это очень хороший, очень добрый человек, а может, очень милосердный, но главное – что всем с ним легко и светло.

Да, это правда, но только отчасти. Вспомним Лукерью из рассказа «Живые мощи» Тургенева или старца Зосиму из «Братьев Карамазовых». В чем проявлялась их святость? В том, что они дарили людям любовь, тепло, понимание. В том, что никого не осуждали. В том, что безропотно и с благодарностью терпели многие скорби и болезни. Иными словами, эти замечательные люди исполнили заповеди Христовы.

Господь в Евангелии заповедал нам: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 37-39).

«Разве же это возможно, когда все люди имеют такую бездну недостатков»? – спросишь ты. Одна маленькая, но очень рассудительная девочка сказала мне: «Бога я могу любить, Он добрый. Но как я буду любить злых людей, которые меня

обижают?». Вот, например, сосед по парте, который дразнится, дерется и ябедничает на тебя учителю – как его любить? Или вредная младшая сестренка, которая нашалила, а расхлебывать приходится тебе? Или зануда-учитель, который все время требует от тебя невыполнимого? Как их всех любить с их невыносимыми характерами?..

Да, глазами маленькой девочки или мальчика ситуация выглядит именно так. Но вот, ты постепенно взрослеешь, и конфликт с внешним миром усложняется. Ты сознаешь, что в жизни нелегко даются уважение, сочувствие, любовь. Иной раз тебе кажется, что тебя никто, никто не понимает, что весь мир занят своими проблемами, а ты один на всем белом свете! Тебе приходится сталкиваться с несправедливостями, терпеть незаслуженные обиды, наказания, которые наполняют сердце возмущением, и какая жажда мести часто загорается в нем, в этом бедном сердечке, которое создано для любви!

Да, именно так – сердце человека создано для того, чтобы любить. И потому заповедь Божия о любви не является чем-то сложным и невыполнимым для нас. Любить для нас так же естественно, как дышать. Сколько в мире есть сказок о том, как добро побеждает зло! И это потому, что сердце человека уже с самого рождения настроено на волну добра и живет с надеждой на победу всего доброго и святого.

Закон любви очень прост: уступи, не осуди, прости, помоги... Именно так жили и живут святые люди. Ведь старец Зосима и больная Луша – это не художественный вымысел, а реальные образы, взятые из жизни. Например, прообразом старца Зосимы был преподобный Амвросий Оптинский, живший в Оптиной Пустыни во времена Ф. М. Достоевского. Беседа с этим святым старцем произвела на писателя та-

кое неизгладимое впечатление, что он решил выразить его в художественной форме.

Жил в 19 веке в Курской области и другой замечательный русский святой — Серафим Саровский, который нес подвиг молитвы за весь мир. Люди шли к нему, ехали со всех концов России — каждый со своей бедой, со своей болью. И каждому святой старец с любовью говорил: «Радость моя!». Говорил так, будто бы этот человек был для него единственно родным, единственно дорогим. А ведь люди приходили всякие: и пьяницы, и картежники, и воры, и разгульные женщины, и трудные дети, и просто люди — каждый со своим особенным характером. Но старец всех принимал, всех умел утешить, обласкать. Он в каждом видел искру Божественного, доброго, святого и старался всеми силами ее разжечь, чтобы человек ушел от него просветленным, примиренным со всеми.

Так же и ты — посмотри вокруг: разве есть такие люди, которые не имели бы в себе ни капельки добра? Постарайся полюбить их за эту маленькую капельку, и ты увидишь, как откликнется человеческая душа на твою любовь.

Разве есть такие люди, которые не нуждались бы в тепле и понимании? Подари хоть частичку своего участия, и ты увидишь, что даже самая суровая душа не устоит перед этой чудесной силой добра.

Однажды случилось так, что на уединенную избушку преподобного Серафима напали разбойники и, думая найти у старца несметные богатства, жестоко избили его. Святой подвижник долго поправлялся, у него оказалась сломана спина, и после этого он всю жизнь ходил согбенный, с палочкой в руке, как его изображают часто на святых иконах. Однако старец от всего сердца простил своих обидчиков и твердо воспротивился тому, чтобы их наказали. Узнав об

этом, воры пришли с повинной к святому и, упав ему в ноги, умоляли о прощении. Так любовь старца пробудила в огрубевших сердцах светлое покаянное чувство и сделала их добрее.

Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного (Мф. 5, 44-45),– говорит Господь. Говорит ли Он это только Своим ученикам? Нет, Он обращается ко всем нам, и к тебе, дорогой друг. Это может показаться удивительным, но все мы призваны быть сынами и дочерями нашего Небесного Отца – Бога. *Будьте святы, потому что Я свят* (1 Пет. 1, 16),– заповедует Он нам.

Но так ли это легко – стать святым? Почему же так мало людей становится святыми? Почему так мало тех, кто смог исполнить заповеди Божии?

Однажды древнегреческий философ Сократ, прогуливаясь с учениками по многолюдным улицам Афин, встретил гетеру, которая остановила его и надменно сказала: «Сократ, ты слывешь мудрецом и столько времени проводишь среди своих учеников, стремясь вложить возвышенные истины в их сердца... А хочешь ли, я скажу только слово, и все они тотчас оставят тебя и последуют за мной?». «В этом нет ничего удивительного,– ответил философ,– ведь ты влечешь их к падению, а я призываю их вверх, к совершенству. Подниматься же в гору гораздо труднее, чем катиться вниз...».

Вот также и каждый из нас ежедневно оказывается перед выбором: куда направить свои душевные и телесные силы? На то, чтобы взять от жизни как можно больше наслаждений, или на то, чтобы сделать как можно больше добра? В основе первого, легкого пути, лежит эгоизм, потребительская психология. Второй путь – более тяжелый, но это путь любви. К сожалению, у нас в языке понятие любви теперь стало весьма растяжимым, так что им нередко называют мимолетное

увлечение, страсть, желание обладать... Но все это не имеет ничего общего с настоящей любовью, самоотверженной, постоянной, высокой, святой, которая стремится не брать, а отдавать...

Однажды красавица мне говорила
О том, что такое любить:
«Любить — это падать, и в этом паденье
Другого с собой захватить».
Такую любовь я не знал и не знаю,
И знать не могу, не хочу.
Иную мечту о Любви в своем сердце
Я светом надежд золочу.
Любить — самому в высоту подниматься
Тернистою узкой тропой.
Любить — это в райские двери стучаться,
Другого ведя за собой.

Архим. Исаакий (Виноградов)

Святые отцы имели величайшую любовь к своему Творцу, которая находила свое выражение во внутреннем подвиге — преодолении в себе всего порочного и низменного, взращивании всего доброго, что вложил в нас Бог.

Наверное, нет ни одной сферы деятельности на земле, в которой человек не стремился бы к совершенству. Спортивные рекорды, научные достижения и открытия, уникальные медицинские операции, компьютерные технологии, весь научно-технический прогресс — все это не что иное, как стремление человека к усовершенствованию внешней среды.

Но сколь большего восхищения заслуживают те из людей, которые в своем стремлении к совершенству поставили целью быть подобными Богу! *Будьте святы, как Я свят...*

Только было бы ошибкой думать, что святые своими силами могли достичь этой святости. Без помощи Божией никому невозможно прийти к такому совершенству души.

Господь дает святым Свою *благодать* – то есть особую Божественную силу, которая помогает им жить по заповедям Божиим. Человек чувствует, что Бог рядом, что Бог не оставит его. Это как поддержка лучшего друга, как забота о нас любимых родителей, только неизмеримо больше. Почему? – потому, что возможности человека невелики, а возможности всесильного Бога – безграничны.

Силой благодати Божией многие великие грешники становились великими святыми. Тому можно найти немало примеров и в Житиях святых, и в событиях русской истории. Вспомним великого князя Владимира Красное Солнышко. Жестокий язычник, проводивший жизнь в пирах и кровопролитных войнах, был потрясен внутренней красотой и правдой христианской проповеди. После крещения с ним произошла разительная перемена, которой дивились современники. Князь стал кротким и милосердным, взял на себя покровительство слабым и бедным, попечение об устроении больниц и богаделен. Святостью и чистотой жизни он покорил сердца своих соплеменников, которые с любовью прозвали его Красным Солнышком. С его именем, как ты знаешь, было связано великое событие нашей истории – Крещение Руси.

Святые подвижники вменяли ни во что земную славу и богатство, имея своим единственным сокровищем Божественную благодать, перед которой всякие материальные блага теряют свою цену. Посмотри, как много в мире богатых, но очень несчастных людей! В их сердце живет пустота, и никакие безделушки и развлечения не способны погасить эту неудовлетворенность души, которая жаждет иного, благодатного, утешения. Еще премудрый царь Соломон, славившийся несметными богатствами, с сокрушением говорил: «Я построил дома, посадил виноградники, разбил сады, собрал золото, приобрел все, чего желало мое сердце, но в

конце понял, что все это суетно...». Когда же в сердце человека живет благодать, тогда он не только ни в чем не имеет нужды, но и сам становится для окружающих источником тепла и света.

Однако, являясь сосудами Божественной благодати и имея множество добродетелей, святые люди на самом деле очень скромно думали о своих достоинствах. Оказывается, чем ближе человек к Богу, тем больше он склонен приписывать все свои дарования и добрые дела не себе, а своему Творцу. Гордец же, наоборот, то и дело кичится своим умом, красотой или талантами, втайне считая себя достойнее и выше других. Так отягощенная плодами лоза смиренно гнется к земле, а пустоцвет горделиво устремляется вверх...

В этом смиренном мнении о себе и заключается критерий святости, потому что тот, кто говорит, что он святой, этим самым уже показывает свою гордыню.

В древние времена в египетской пустыне жил один удивительный подвижник — Сысой Великий, который проводил свою жизнь в молитвах, трудах и лишениях. Великим он был назван потому, что достиг высокой духовной чистоты и получил от Бога дар чудотворения, так что однажды даже своей молитвой вернул к жизни умершего отрока. И вот, когда он лежал на смертном одре, окружавшие старца ученики увидели, что он словно обращается к кому-то невидимому. «С кем ты беседуешь?» — спросили они. Авва Сысой ответил, что пришли Ангелы за его душой, и он просит их дать ему еще хоть малое время на покаяние. «Тебе, отче, нет нужды в покаянии»,— возразили ученики. Но преподобный Сысой, по своему великому смирению, ответил: «Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего». После этих слов лицо святого просияло так, что братия не могли на него взглянуть...

Однако не все святые обладали явными признаками святости и сверхъестественными способностями, не все могли исцелять больных, воскрешать мертвых. Святость некоторых людей, незаметная для окружающих, проявлялась неожиданно в тех обстоятельствах, когда исповедание православной веры грозило жестокой расправой. И тех, которые даже до смерти не захотели отречься от своего Создателя, мы почитаем теперь как святых мучеников Христовых.

Прошедший двадцатый век явил целый сонм новомучеников и исповедников Российских, пострадавших от репрессий советской власти. Это было время сильнейших гонений на веру. Тех, кто стойко отстаивал свои религиозные убеждения, заключали в тюрьмы, ссылали далеко на север, гноили в лагерях. Варлам Шаламов в своих «Колымских рассказах» с удивлением пишет, что в тех нечеловеческих условиях, в каких находились репрессированные, самое большое мужество проявляли те из людей, которые называли себя православными. Это свидетельство тем интереснее для нас, что сам писатель не относит себя к верующим...

В наше время уже нет гонений на веру, восстанавливаются церкви, строятся монастыри, все больше и больше людей приходит в храмы... Однако есть ли теперь святые и где же они?..

Наш двадцать первый век можно назвать веком «эго»: каждый живи для себя, а на других наплевать. Мало, очень мало людей всем сердцем откликается на евангельские истины, еще меньше тех, кто решается их исполнять. Большинство предпочитает падение, а не восхождение. Возвышенные идеалы теперь не вдохновляют молодежь, слова о любви и добре нередко вызывают смех или раздражение. Стремление к совершенству вырождается в погоню за материальными благами, в карьеризм. Бедное человеческое сер-

дце не вмещает уже любви, потому что любовь становится препятствием в достижении личных целей. Бешеный ритм жизни захватывает современного человека и, не давая ему опомниться, остановиться, задуматься, увлекает его в бесконечный круговорот событий. Где они, святые люди нашего времени?..

«Не стоит село без праведника»,– говорится в народе. Но святые всегда скрывались от людских глаз, бежали от человеческой славы. И теперь есть никому не известные тайные подвижники, которые приносят Богу молитвы за весь мир. Ради них Господь не наказывает заблудших людей, но ждет их покаяния и исправления. Бог слышит молитву чистого сердца. Не в наших силах повернуть вспять ход времени, изменить историю, мы не можем заставить людей не убивать, не грабить, не обижать слабых. Но все же мы можем очень многое, дорогой друг! Мы можем, следуя примеру святых отцов, сделать свое сердце чище и добрее, чтобы своим живым теплом оно согревало мир, людей, помогая закоченевшим сердцам оживать для любви. Потому что, как пишет святой Иоанн Кронштадский, «жизнь сердца есть любовь, смерть его – злоба и вражда на брата. Господь для того нас держит на земле, чтобы любовь к Богу и ближнему всецело проникла наши сердца: этого и ждет Он от всех. Это цель стояния мира».

* * *

Мы бежим, оглянуться не в силах.
Мы умерить не можем свой бег.
От рождения и до могилы
Так проводит всю жизнь человек.

Дни и годы проносятся мимо,
Вот уж близок конец пути.
Но осталась неутолимой
Жажда счастье свое найти.

На каких-то путях-дорогах
Мы с ним встретились, но ушли.
Сделать выбор — один из многих,
Тот единственный — не смогли.

Между жизнью стоим и смертью.
Остается один лишь путь –
К своему прислушаться сердцу,
В глубину его заглянуть.

Там мы встретимся с Божьим взглядом.
Он любовью нас опалит.
И поймем мы, что было рядом
То, что мы искали вдали.

Л. Маянц

РАССКАЗЫ О СВЯТЫХ

Мученики великой любви, молите Бога о нас.

Вы, познавшие любовь, которая сильнее смерти, молитесь любви о нас.

Вы, проповедавшие, что любовь таинственнее плоти и долговечнее звезд небесных.

Любовью понимали вы деревья и камни, зверей в горах и рыб в воде. Ибо любовь вскрывает печати всех тайн и все творения предстают в наготе перед любящим.

Любовью исполняли вы пророков, отвечали всем религиям и покрывали все законы.

Святитель Николай Сербский

Молитва на лесной поляне

В эту ночь нас, детей, не будили к заутрени, и попали мы лишь к обедне. Отца Серафима у службы не было, и народ прямо из церкви повалил к тому корпусу, в котором находился монастырский приют отшельника. К богомольцам примкнула и наша семья. Долго шли мы под сводами нескончаемых, как мне тогда казалось, темных переходов. Монах со свечой шел впереди. «Здесь», – сказал он и, отвязав ключ от пояса, отпер им замок, висевший у низенькой узкой двери, вделанной вглубь толстой каменной стены.

Нагнувшись к двери, старик проговорил обычное в монастырях приветствие: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Но ответного «Аминь», как приглашения войти, не последовало. «Попробуйте сами, не откликнется ли кому из вас»,– сказал старик-вожатый, обращаясь к богомольцам. Обычный возглас у закрытой двери повторил и отец мой, и другие,– пробовали женщины и дети. «Стало быть, Старца-то в келье нет. Пойти разве понаведаться под окном, не выскочил ли он, как послышался грохот наш на дворе».

Мы вышли за седеньким вожатым из коридора другим уже, более коротким путем. Обогнув угол корпуса, мы очутились на небольшой площадке, под самым окном келии отца Серафима. На площадке этой между двумя древними могилами действительно оказались следы от двух, обутых в рабочие лапти ног.

«Убег»,– озабоченно проговорил седенький монах... Толпа богомольцев почтительно расступилась, прервав речь монаха: шел сам игумен с певчими служить обычную воскресную панихиду над могилой давно усопшего брата.

После панихиды отец игумен благословил нас, богомольцев, отыскивать отца Серафима в бору: «Далеко ему не уйти,– утешал игумен,– ведь он сильно покалечен на своем веку. Сами увидите: где рука, где нога, а на плечике горб. Медведь ли его ломал, люди ли его били, ведь он – что младенец, не скажет. А все-таки вряд ли вам отыскать его в бору. В кусты спрячется, в траву заляжет. Разве только откликнется на детские голоса... Забирайте детей-то побольше, да чтоб впереди вас шли. Непременно бы впереди бегли»,– кричал еще игумен вослед уже двинувшейся к лесу толпе.

Весело было сначала бежать нам одним, совсем одним: без присмотра и без надзора. Лес же становился все гуще и

рослее. Под высокими сводами громадных елей стало совсем темно. Сделалось жутко в мрачном бору.

По счастью, где-то вдалеке блеснул, засветился солнечный луч между иглистыми ветвями. Мы ободрились, побежали на мелькнувший вдалеке просвет и скоро все врассыпную выбежали на зеленую, облитую солнцем поляну. Смотрим, около корней стоящей на полянке ели работает, пригнувшись чуть ли не к самой земле, низенький, худенький старец, проворно подрезая серпом высокую лесную траву.

Заслышав шорох в лесу, старичок быстро поднялся, насторожив ухо в сторону монастыря, и затем, точно вспугнутый заяц, проворно шарахнулся к чаще леса. Но он не успел добежать, запыхался. Робко оглянувшись, юркнул в густую, недорезанную им траву и скрылся у нас из виду. Тут только вспомнился нам родительский наказ, и мы чуть ли не в двадцать голосов дружно крикнули: «Отец Серафим! Отец Серафим!».

Случилось как раз то, на что надеялись монастырские богомольцы: заслышав недалеко от себя детские голоса, отец Серафим не выдержал своей засады, и старческая голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы. Приложив палец к губам, он умильно поглядывал на нас, как бы упрашивая ребяток не выдавать его старшим, шаги которых уже слышались в лесу.

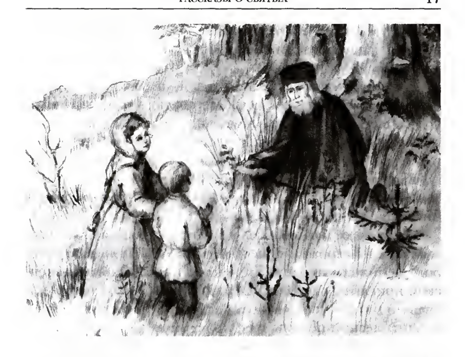
Смоченные трудовым потом желтоватые волосы пустынника мягкими прядями лежали на высоком лбу; искусанное лесной мошкарой лицо его пестрело запекшимися в морщинах каплями крови. Непригляден был вид лесного отшельника. А между тем, когда протопав к нам дорожку, он, опустившись на траву, поманил нас к себе, крошка наша Лиза первая бросилась старичку на шею, прильнув нежным лицом к его плечу, покрытому рубищем. «Сокровища, сокровища»,—

приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из нас к своей худенькой груди.

Мы обнимали Старца, а между тем замешавшийся в толпу детей подросток пастушок Сема бежал со всех ног обратно в сторону монастыря, зычно выкрикивая: «Здесь, сюда. Вот он. Вот отец Серафим. Сю-ю-да-а!». Нам стало стыдно. Чем-то вроде предательства показались нам и выкрикивания наши, и наши объятия. Еще стыднее стало нам, когда две мощные запыхавшиеся фигуры, не помню мужчин или женщин, подхватили Старца под локотки и повели к высыпавшей уже из лесу куче народа. Опомнившись, мы бросились вдогонку за отцом Серафимом.

Опередив своих непрошеных вожатых, он шел теперь один, слегка прихрамывая, к своей хибарке над ручьем. Подойдя к ней, он обратился лицом к поджидавшим его богомольцам. Их было очень много. «Нечем мне угостить вас здесь, милые,— проговорил он мягким сконфуженным тоном домохозяина, застигнутого врасплох среди разгара рабочего дня,— а вот деток, пожалуй, полакомить можно,— вспомнил он, как бы обрадовавшись собственной догадке. И затем, обратившись к подростку, сказал: «Вот там у меня грядки с луком. Видишь? Собери всех деток, нарежь им лучку; накорми их лучком и напой хорошенько водой из ручья». Мы побежали вприпрыжку исполнять приказание отца Серафима и засели между грядками на корточках. Луку, разумеется, никто не тронул. Все мы, залегши в траве, смотрели из-за нее на старичка, так крепко прижимавшего нас к груди своей.

Получив благословение Старца, все стали почтительным полукругом возле того, кого пришли посмотреть и послушать. Много было тут лиц, опечаленных недавним горем. Дочь старой няни нашей, недавно умершей от холеры, тихо плакала, закрыв лицо передником.

«Чума тогда — теперь холера»,— медленно проговорил пустынник, как будто припоминая про себя что-то давно-давно минувшее.

«Смотрите,— громко сказал он,— вот там ребятишки срежут лук,— не останется от него поверх земли ничего. Но он подымется, вырастет сильнее и крепче прежнего... И так и наши покойнички — и чумные, и холерные — все восстанут лучше, краше прежнего. Они воскреснут. Воскреснут. Все до единого».

Не к язычникам обращался пустынник с вестью о воскресении. Все тут стоявшие твердили смолоду о жизни будущаго века. Все обменивались радостным приветствием «Христос воскресе!» в светлый день Пасхи. А между тем это громкое «Воскреснут! Воскреснут!»,— провозглашенное в глухом

бору устами, так мало говорившими в течение жизни, пронеслось над поляной как заверение в чем-то несомненном, близком.

Стоя перед дверью лесной своей хижинки, в которой нельзя было ни стать, ни лечь, старик тихо крестился, продолжая свою молитву, свое немолчное молитвословие. Люди не мешали ему, как не мешали непрестанной его беседе с Богом ни работа топором, ни сенокос, ни жар, ни холод, ни ночь, ни день.

Молился народ. Над смолкнувшей поляной будто тихий Ангел пролетел.

Отделясь от богомольцев и впереди всех стояло хорошо знакомое нам грозное существо – госпожа Зорина, далекая родственница моего отца. За ней толпился целый штат женской прислуги, одетой также, как и сама она, в черное, с белыми платками на голове. Наскучив торжественным затишьем лесной поляны с ее молящимся народом, старая барыня проворчала, обращаясь ко двору своему: «Молиться успеем и дома. Приехала высказаться и выскажусь». И, подтолкнув в обе стороны своих приближенных, она выплыла с ними на самую середину полукруга.

«Отец Серафим, отец Серафим,– громко позвала она отшельника,– как вы мне посоветуете? Вот я, генеральша Зорина, вдовею тридцатый год. Пятнадцать лет проживаю,– может, слыхали,– при монастыре со всеми этими своими. Все это время соблюдаю среды и пятницы. Теперь задумала понедельничать, поститься и в понедельник,– так что вы на это скажете? Как посоветуете, отец Серафим?».

Если бы стая грачей низко пролетела, каркая, над толпою богомольцев, то не больше огорошили бы нас крикливые птицы, чем этот назойливый вопрос госпожи Зориной, внезапно прервавший общее настроение.

И отец Серафим, как бы озадаченный, заморгал на нее своими добренькими глазками: «Я что-то не совсем понял тебя,– проговорил он. И затем, подумав немного, прибавил: «Ежели ты это насчет еды, то вот что я тебе скажу: как случится замолишься, забудешь о еде,– ну и не ешь день, не ешь два,– а там, как проголодаешься, ослабеешь, так возьми и поешь немного».

Улыбку умиления вызвало на всех лицах это мудрое решение вопроса состарившимся в лишениях отшельником. Старая же чванливая ревнительница поста как-то неловко попятилась вместе со своими придворными, проворно укрывшись с ними в толпе своих.

А между тем богомольцы ослабели, стоя на солнечном припеке. Отец Серафим поманил к себе ближнего паломника: «Скажи им, сделай милость, скажи всем, чтоб напились скорей из этого родника. В нем вода хорошая. А завтра я буду в монастыре. Непременно буду».

Когда все, утолив жажду, оглянулись, отца Серафима уже не было на пригорке перед хибаркой его. Только вдали за кустами шуршал серп, срезая сухую лесную траву.

В обратный к монастырю путь мы шли уже одни, семьей своей, сообразуясь с усталостью бабушки – матери моего отца. Отец тихо запел, что он всегда делывал, когда был между своими и у него было хорошо на душе. Запели, как всегда, и обе старшие сестры, и брат-подросток своим ангельским, еще полудетским голосом. И скромный, но стройный хор огласил высокие своды просеки: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молимся, Боже наш, Боже наш, Боже наш»... Звуки последнего «Боже наш» еще замирали в вышине, когда мы тихо вошли на монастырскую поляну.

А между тем кроткий облик Старца невольно вставал перед глазами поющих. Сестренка моя, Лиза, та самая, которую

так обнимал отец Серафим, называя ее сокровищем, крепко держалась за меня обеими руками. При выходе из лесной темноты она сжала мою руку и, взглянув мне вопросительно в лицо, проговорила: «Ведь отец Серафим только кажется старичком, на самом деле он такое же дитя, как ты да я. Не правда ли, Надя?».

Много с тех пор в продолжение следующих семидесяти лет моей жизни видала я умных, и добрых, и мудрых глаз. Много видала и очей, полных горячей, искренней привязанности. Но никогда с тех пор не видала я таких детски ясных, старчески прекрасных глаз, как те, которые в это утро так умильно смотрели на нас из высоких стеблей лесной травы. В них было целое откровение любви.

Улыбку же, покрывшую это морщинистое, изнуренное лицо, могу сравнить разве только с улыбкой спящего новорожденного, когда, по словам нянек, его еще тешат во сне недавние товарищи – Ангелы.

Н. Аксакова

* * *

За горами, за жёлтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь –

Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и Кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

С. Есенин

Тайный благотворитель

При жизни святителя Николая, когда он был еще пресвитером*, в одном с ним городе жил человек, который прежде был богатым, но потом впал в крайнюю нищету. Человек этот имел трех взрослых дочерей. Не находя средств не только на то, чтобы устроить их в замужество, но даже чтобы добыть им пищу и одеяние, он часто приходил в отчаяние и в отчаянии иногда доходил до того, что думал пустить в торг саму честь своих дочерей и этим постыдным путем добывать и себе, и им пропитание.

Святой Николай узнал о бедственной участи этого семейства и решился помочь ему. Мысль свою он привел в исполнение и скоро, и просто. Вставши в полночь и взявши с собою узел золота, он, никем не замеченный, приходит к дому несчастливца, через отворенное окно бросает ему в дом золото и поспешно удаляется.

* Священником.

Утром проснувшийся хозяин, видя у себя золото, сначала принял его за мечтание, но когда убедился в действительности, стал со слезами благодарить Бога, явившего ему такую милость, и вскоре отдал замуж старшую свою дочь...

Видя хорошее употребление подарка, святитель решился прежним путем устроить и вторую дочь бедного отца и снова ночью пришел к нему и тайно оставил другой узел золота.

В другой раз, найдя у себя сокровище, человек тот воскликнул:

— Господи! Яви на мне милость Твою и покажи мне Ангела или человека, который избавил меня от нищеты и злых помыслов. По милости его, вот теперь могу устроить и вторую дочь свою, избавляя ее тем самым от сетей диавольских и злой пагубы.

И, действительно, вскоре он устроил и вторую дочь свою. По выдаче ее в замужество, он уже перестал скорбеть и твердо веровал, что Господь и третьей дочери его поможет, и ему самому невидимого благодетеля покажет. И вот он, теперь почти уже совершенно счастливый, стал проводить ночи без сна, надеясь встретить столь щедрого милостынедавца. Надежда не обманула его. Святитель Николай и в третий раз также ночью бросил ему в окно золото и по-прежнему спешил удалиться. Но беспредельно обрадованный отец тотчас настиг угодника Божия, пал к ногам его и, обливаясь слезами, стал благодарить его за столь великие милости.

Что же отвечал ему святитель? Он с клятвою взял с него обещание до конца жизни молчать об оказанной ему помощи и, поучив о пользе душевной, с миром отпустил его. Вот какова должна быть истинная боголюбезная милостыня!

(Из «Душеполезного чтения»)

Старец с вокзала

Невероятная история произошла в Харбине в начале нашего века и была пересказана известным певцом Александром Вертинским. В то время город был населен русскими эмигрантами, которые привезли с собой множество икон и даже на железнодорожном вокзале повесили большую икону Николая Чудотворца. Однажды ранней весной в здание

вокзала вбежал мокрый с головы до ног старый китаец и распростерся на полу перед иконой, протягивая к ней руки и что-то бормоча с большим чувством. Оказалось, что он шел по слабому льду через реку и провалился в полынью. Несчастного уже затягивало течением под лед, когда он

вспомнил, что русские всегда просят помощи у какого-то старика, изображение которого висит на вокзале. «Старец с вокзала, старец с вокзала, спаси меня!» — были последние слова китайца; потом он потерял сознание. Очнулся он на другом берегу и первым делом бросился на вокзал благодарить святого старца за чудесное спасение.

Святой апостол Иоанн Богослов говорит, что заповеди Божии не тяжки, а легки (1 Ин. 5, 3). Но легки они только от любви, а если нет любви, то ВСЕ ТРУДНО. Поэтому храни любовь, не теряй ее, потому что хотя и возможно ее вернуть, но это дается многими слезами и молитвами, а без любви трудно жить на свете. А кто пребывает в злобе, то это смерть души, от чего да сохранит нас Господь.

Преподобный Силуан Афонский

Сергий Радонежский и поселянин

Многие приходили издалека, желая хотя бы только взглянуть на Преподобного Сергия. Много слышал о нем поселянин, простой земледелец, и пожелал видеть его. При входе в монастырскую ограду он стал спрашивать братию: где бы повидать их славного игумена? А Преподобный в это время трудился на огороде, копая заступом землю под овощи.

— Подожди немного, пока он выйдет оттуда,— отвечали иноки пришельцу.

Нетерпеливый посетитель заглянул в огород через отверстие в заборе и увидел там смиренного старца в разодранной, ушитой заплатами одежде, трудившегося в поте лица над грядою. Простодушный поселянин не хотел поверить, чтобы этот старичок был тот самый Сергий, которого он желал видеть. Он снова стал докучать братии, требуя, чтобы показали ему игумена:

– Я издалека пришел сюда, чтобы видеть его, у меня есть до него важное дело,– говорил он.

– Мы уже указали тебе игумена,– отвечали ему иноки.- Если не веришь, что это – он, то спроси его самого.

Тогда поселянин стал у калитки огородной, поджидая, пока выйдет старец.

Преподобный вышел, и случившиеся тут иноки опять показали на него поселянину, говоря: «Вот он самый, кого тебе нужно».

Но простец отвернулся от него в сторону и сказал:

– Я издалека пришел посмотреть на пророка, а вы мне показываете какого-то нищего!.. Напрасно же я трудился – шел сюда; я думал получить пользу душе своей в вашей честной обители, а вместо того встречаю только насмешки... Но я еще не дожил до такого безумия, чтобы почесть этого убогого старичка за того знаменитого Сергия, о котором так много слышал я славных вещей!..

Так рассуждал простец, в своем неведении смотревший на все только телесными очами, а не внутренними. Понятно, что братия оскорбилась за честь своего любимого игумена, и некоторые даже сказали Преподобному:

– Только тебя не смеем, отче: а то гостя твоего мы выслали бы вон из обители – такой он невежа! Да еще нас же укоряет, будто мы смеемся над ним!..

Но человек Божий взглянул на них с удивлением:

— Нет,— сказал,— зачем выгонять его? Он не к вам пришел, а ко мне; не трогайте его; своими простодушными словами он не причинил мне никакого зла. Да если бы и погрешил он в чем-нибудь, то нам, духовным, подобает, по слову Апостола Христова, исправлять таковых духом кротости (Гал. 6, 1).

И, не дождавшись себе поклона от поселянина, угодник Божий сам подошел к нему и с великим смирением поклонился ему до земли... Потом поцеловал его, с любовью благословил и поблагодарил за то, что этот простец имеет об его убожестве надлежащее мнение... Так смиренномудрый радуется своему бесчестию и унижению столько же, сколько тщеславный приходит в восторг от почестей и похвал людских!

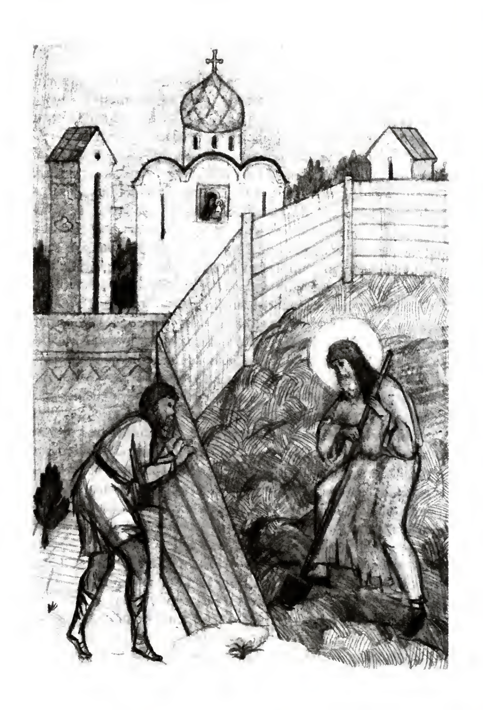
Но и этого мало: Преподобный взял гостя за руку, посадил рядом с собой за трапезу и сам стал угощать его. Простодушный поселянин, видя такое радушие старца, поверил ему печаль свою, что доселе ему не удалось видеть игумена Сергия.

— Не скорби, брате,— утешил его Преподобный,— Бог так милостив к месту сему, что никто отсюда не выходит печальным. И тебе Он скоро покажет, кого ты ищешь.

И вот, они еще продолжали беседу, как в обитель прибыл князь (может быть, Радонежский), окруженный многочисленной свитой из бояр и рабов. Преподобный встал, чтобы встретить именитого гостя, и рабы князя, расчищая дорогу для своего господина, далеко оттолкнули поселянина и от своего князя, и от игумена... Между тем прибывший князь еще издали смиренно поклонился до земли угоднику Божию, который поцеловал его и благословил; затем оба они сели, а все бояре и братия почтительно стояли вокруг них.

Смущенный простец ходил около них, стараясь сквозь толпу рассмотреть, который был Сергий; он опять спросил одного из иноков:

— Кто же этот чернец, что сидит направо от князя?

Инок взглянул на него с упреком и сказал:

– Разве ты пришлец здесь, что не знаешь Преподобного отца Сергия?

Тогда только понял свое невежество поселянин и, укоряя себя, стал просить некоторых из братий, чтобы они попросили за него прощения у старца, которого он оскорбил своим невежеством.

– Вот уж справедливо зовут нас, мужиков, невежами,– говорил он,– как будто я ослеп и не вижу, с кем говорю!.. С какими же глазами покажусь я теперь святому старцу?

Так горевал простодушный гость и, дождавшись, когда князь вышел из обители, он бросился к ногам Преподобного, умоляя простить его невежество и неверие.

Но смиренный игумен сказал ему:

– Не скорби, чадо; один ты справедливо рассудил обо мне; ведь они все ошибаются!

И он утешил его назидательным словом, и отпустил его с благословением... Но доброе сердце простого человека так было тронуто смирением и любовью великого подвижника, что он скоро опять пришел в обитель, дабы уже никогда ее не оставлять: здесь он принял пострижение и, потрудившись несколько лет, с миром преставился к Богу...

Преподобному Сергию Радонежскому

Твоя душа в потемках не блуждала,
Ища себе получше долю.
Отбросив прелестей земное жало
Она жила смиреньем и любовью.

Она питалась отблесками света,
Молитвенным духовным слогом,

Она трудилась с ночи до рассвета,
Коленопреклоненная пред Богом.

А утро монастырского уклада
Заботой рук твоих обычно начиналось,
И общежительство России без разлада
Исихией твоей благословлялось.

И твоя мудрость не гнушалась простотою,
И силе духа подчинялось тело,
И ты молил, чтоб стала Русь святою,
И твое слово обращалось в дело.

И мрак междоусобиц и безверья
Рассеян. Стали мы народом.
И ты для нас не символ из поверья –
Ты, отче, из Земли Российской родом.

К. Мокиевский

Ошибка адвоката

Жили мы в Москве, отец занимался адвокатурой. Мне в то время минуло четыре года, я был единственным сыном, и в честь отца назван Сергеем. Любили меня родители безумно.

По делам своих клиентов отец часто ездил в Петербург. Так и теперь он поехал туда на два дня и по обыкновению остановился у своего брата Константина. Брата и невестку он застал в волнении: заболела их младшая дочь Леночка. Болела она тяжело, и хотя ей стало лучше, они пригласили отца Иоанна Кронштадтского отслужить молебен и с часу на час ожидали его приезда.

Отец посмеялся над ними и уехал в суд, где разбиралось дело его клиента. Вернувшись в четыре часа обратно, он увидел у братниного дома парные сани и огромную толпу людей. Поняв, что приехал отец Иоанн, он с трудом пробился к входной двери и, войдя в дом, прошел в зал, где батюшка уже служил молебен. Отец стал в сторону и с любопытством

начал наблюдать за знаменитым священником. Его очень удивило, что отец Иоанн, бегло прочитав положенное перед ним поминание с именем болящей Елены, стал на колени и с большой горячностью начал молиться о каком-то неизвестном тяжко болящем младенце Сергии. Молился он о нем долго, потом благословил всех и уехал.

– Он просто ненормальный! – возмущался мой отец после отъезда батюшки.– Его пригласили молиться о Елене, а он весь молебен вымаливал какого-то неизвестного Сергия.

– Но Леночка уже почти здорова,– робко возражала невестка, желая защитить уважаемого всей семьей священника.

Ночью отец уехал в Москву. Войдя на другой день в свою квартиру, он был поражен царившим в ней беспорядком, а увидев измученное лицо моей матери, испугался:

– Что у вас здесь случилось?

– Дорогой мой, твой поезд не успел, верно, отойти еще от Москвы, как заболел Сережа. Начался жар, конвульсии, рвота. Я пригласила Петра Петровича, но он не мог понять, что происходит с Сережей, и попросил созвать консилиум. Первым долгом я хотела телеграфировать тебе, но не могла найти адреса Кости. Три врача не отходили он него всю ночь и наконец признали его положение безнадежным. Что я пережила! Никто не спал, так как ему становилось все хуже, я была как в столбняке.

И вдруг вчера, после четырех часов дня, он начал дышать ровнее, жар понизился, и он уснул. Потом стало еще лучше. Врачи ничего не могут понять, а я тем более. Сейчас у Сережи только слабость, но он уже кушает и играет в кроватке со своим мишкой.

Слушая, отец все ниже и ниже опускал голову: вот за какого тяжко болящего младенца Сергия так горячо молился вчера отец Иоанн Кронштадтский!

Судьба атеиста

В 1926 году в Москве, окруженный заботой, вниманием и любовью своей паствы, отошел ко Господу один из великих молитвенников Земли Русской митрополит Новосибирский Тихон.

Жизненный путь его был крайне необычен. Получив блестящее медицинское образование, горя ревностью служения ближним, около десяти лет проработал он врачом в небольшом уездном городке. За это время полюбили его люди, видя его бескорыстность, самоотверженность и безотказность при оказании помощи нуждающимся. Поэтому, когда приближался десятилетний юбилей его работы в качестве уездного врача, общественность города захотела торжественно отметить это событие. Одно только смущало губернатора и дворянство: молодой врач был атеистом. Он открыто заявлял: «Я ученый, материалист, и для того, чтобы поверить в существование Бога или диавола, я должен увидеть, пощупать кого-либо из них своими руками».

Губернатор городка послал телеграмму с объяснением сути дела великому молитвеннику и светильнику Земли Русской святому Иоанну Кронштадтскому. В ней он просил исполнить просьбу врача так, чтобы последний уверовал и благодаря этому спаслась бы его душа. Вскоре последовала телеграмма: «Молюсь, ждите».

А дальше, по рассказам будущего митрополита, произошло следующее. Ночью молодой врач проснулся от чувства, что кто-то стоит около постели и пристально смотрит на него. Он открыл глаза и... о ужас! Страшная образина предстала перед его взором. Взлохмаченная, косматая, подобно козлиной, голова, ярко горящие глаза, отороченные шерстью, склонились над его постелью.

«Ну, что ты испугался,— прохрипело чудище,— ведь мы с тобой друзья, давай поцелуемся». И огромные фиолетовые губы стали медленно вытягиваться к лицу молодого атеиста. «Нет!»,— заорал он и, прижавшись к стене, исступленно осенил себя крестным знамением. «Ах, ты так,— обиделся уродец,— ну погоди! Я думал, мы друзья, вместе против Бога воюем, а ты креститься? Ладно, сейчас я вернусь со своим начальником. Он с тобой враз разберется». После этих слов чудовище исчезло.

Насмерть перепуганный врач вспомнил, что в ящике его письменного стола хранится нательный крест, данный ему при крещении еще в детстве.

Он бросился к ящику и только успел достать крестик, как в комнате появились две зловещих фигуры. Всю ночь они гоняли его по дому. Молодой материалист вспомнил все свои детские молитвы. «Господи, помилуй!» не сходило с его уст.

Наутро, после встречи с губернатором, узнав о телеграмме, присланной святым и праведным Иоанном Кронштадтским, бывший атеист взял отпуск и отправился в Кронштадт к отцу Иоанну.

В результате он стал монахом, а впоследствии и митрополитом Сибирским. В годы гонения на церковь был изгнан с кафедры, вернулся в Москву, где и служил в обыкновенном приходском храме.

Последнее поколение

Мы пришли от великой печали,
Все своё растеряв в суете.
На молитве ночей не стояли,
Забывали порой о Христе.

Слишком светлых чертогов не надо
Для давно огрубелых сердец.
Нам бы здесь постоять за оградой
И к ногам Твоим пасть наконец.

Ради этого только мгновенья
Мы к Тебе, задыхаясь, брели,
Мы – последних времен поколенье,
Ослепленные дети земли.

Н. Павлович

Письмо молодому учителю, спрашивающему, есть ли сейчас истинные христиане

Есть они, много их. Если бы их не было, померкло бы ясное солнце. Ибо разве такая драгоценная лампада освещала бы зверинец?

Много бумаги понадобилось бы мне, чтобы описать мои встречи с истинными христианами, и тебе долго пришлось бы читать о них и утешать свою душу. А пока испытай себя на этом примере.

Прошлым летом мы были в Мачве. Пока мы стояли на маленьком полустанке в ожидании поезда, я наблюдал за одной старой крестьянкой. Ее увядшее лицо светилось чудным таинственным светом, который часто можно видеть на лицах духовных людей. Я спросил ее: «Кого ожидаешь, сестра?». «Того, кого Господь пошлет мне»,– ответила она. Из дальнейшего разговора мы узнали, что каждый день она приходит на станцию и ждет, не появится ли какой-нибудь бедный странник, нуждающийся в ночлеге и куске хлеба. И если такой случится, она радостно принимает его в своем доме, как посланного Богом. Еще мы узнали, что читает она Священное

Писание, постится, ходит в церковь и соблюдает все Божии заповеди. А соседи ее сказали нам, что это святая женщина.

Я хотел похвалить ее евангельское гостеприимство, но она остановила меня словами: «Разве мы сами не гости Его всю нашу жизнь, каждый ее день?». И слезы заблестели на ее глазах. О, милостивая и сладкая душа народа! Мой молодой друг, если назовешься учителем народа, часто можешь оказаться посрамленным, но если назовешься учеником народа, никогда не посрамишься.

Да осияет тебя святая милость Божия!

Святитель Николай Сербский

* * *

Иди за Мной! Заботы все оставь.
Душа должна к небесному стремиться.
Ведь для того и создана она,
Чтоб в Небеса взмывала, словно птица.

Ты рай создать не сможешь на земле.
Здесь правит зло. Добро же тут безвластно.
А роль играть земного судии
Для человека грешного опасно.

Настанет день – придет иной Судья,
И каждому воздаст Он по заслугам.
Но прежде всех Он спросит у тебя,
Кем был Ему ты – недругом иль другом.

Коль образ Мой ты сохранишь в душе,
Любовью этот мир преображая,
Приблизишь день, когда погибнет зло
И Свет Христов вовеки воссияет.

Л. Маянц

Дом Пресвятой Богородицы

Русь именуется Святою не потому, что в ней нет греха и порока или в ней все люди святые... Нет.

Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся, жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней... отожествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском её... и для этого оставить земное и обыденное царство заботы и мелочей и уйти в богомолье.

А в этой жажде праведности человек прав и свят.

Только немногие, совсем немногие люди на земле могут стать праведными, до глубины переродиться, целостно преобразиться. Остальные могут лишь отдаленно приближаться к этому. И когда мы говорим о Святой Руси, то не для того, чтобы закрыть себе глаза на эти пределы человеческого естества и наивно и горделиво идеализировать свой народ; но для того, чтобы утвердить, что рядом с несвятой Русью (и даже в той же самой душе!) всегда стояла и Святая Русь, молитвенно домогавшаяся ко Господу и достигавшая Его лицезрения – то в совершении совершенных дел, то в слезном покаянии, то в «томлении духовной жаждою» (Пушкин), то в молитвенном богомолье. И Россия жила, росла и цвела потому, что Святая Русь учила и вела несвятую Русь, воспитывая в ней те качества и доблести, которые необходимы для создания великой России.

И. А. Ильин

Всем святым, в земле Российской просиявшим

Вы, кто в дебри ушли дремучие
Без меча, с одним крестом,
И воздвигли храмы могучие
Только веры своей огнем.

Вы, Святой Руси созидатели
И за правду ее борцы,
Перед Богом в ней предстатели,
Ее Церкви земной отцы.

Вы, горевшие чистым пламенем
В тесноте суровых веков,
Поднимитесь пресветлым знаменем
Над печалью своих лесов!

Потеряв родные обители,
Мы бредем в поту и пыли...
Помолитесь о нас, святители,
Подвижники Русской земли!

Вы, кто в тундры несли бесплодные
Теплый свет Христовой зари
И сердца и камни холодные
Согревали солнцем любви;

Вы, хранившие искру Божию
Сквозь земную злобу и грусть,
И за кем во глубь бездорожия
От врагов уходила Русь.

Вы, молитвенники и трудники
Наших северных Фиваид,
Перед миром всегда заступники,
Но не мстители злых обид.

Некрадомых богатств стяжатели,
Несравненных икон творцы,
Молчальники и созерцатели,
Неземных жемчужин купцы.

Ваших ценностей расточители,
Мы наследства не сберегли...
Помолитесь о нас, хранители,
Подвижники Русской земли!

Позабывшие славу ратную
Для бескровных и лучших битв,
Вы творители благодатные
Непрестанных тайных молитв.

Вы, бесстрашные обличители
Всей мирской неправды и тли,
Помолитесь о нас, водители,
Подвижники Русской земли!

Все белеются нивы зрелые,
Скоро ль вышлет Господь жнецов?
Выходите, рыбари смелые,
На великий новый улов.

Вы, вознесшие крест Зиждителя
На просторах родной дали,
Помолитесь о нас, строители,
Подвижники Русской земли!

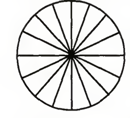

БЕСЕДА СО СТАРЦЕМ

Преподобный авва Дорофей

Тот, кто приближается к Богу, приближается и к ближнему.

Представьте себе круг, начертанный на земле, середина которого называется центром, а прямые линии, идущие от центра к окружности, называются радиусами... Предположите, что круг сей есть мир, а самый центр круга – Бог; радиусы

же, то есть прямые линии, идущие от окружности к центру, суть пути жизни человеческой. Итак, насколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу; и сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу; и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. Так разумейте и об удалении. Когда удаляются от Бога и возвращаются ко внешнему, то очевидно, что в той мере, как они исходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга; и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково естество любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближа-

емся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближним; и сколько соединяемся с ближним, столько соединяемся с Богом.

Старец Паисий Афонский
О настоящей любви

Посей тот небольшой остаток любви, что у тебя есть. Пусть она даст ростки, вырастет, принесёт плод любви, который ты и соберёшь. Потом ты посеешь уже больше любви и ещё больше соберёшь, так постепенно заполнится твой амбар, так что тебе уже некуда будет её складывать, ведь чем больше любви сеешь, тем больше она растёт. Допустим, у земледельца есть небольшой пакетик семян и он их сеет. Потом он собирает плод, наполняет им большой пакет. Если он затем высеет плод из пакета, то, когда соберёт урожай, наполнит семенами целый мешок. И когда у него станет много семян и он их высеет, то потом заполнит целый амбар. Но если он будет держать семена в пакетике и не посеет их, то в них заведутся черви. Он должен бросить семена в землю, чтобы они проросли, выросли и дали плод.

Хочу сказать, что то же самое происходит и с любовью. Чтобы любовь возрастала, нужно её отдавать. Человек, который не отдаёт даже ту немногую любовь, что у него есть, словно держит в руке горсть семян и не хочет их посеять. Такой человек — лукавый раб, который скрыл талант (см. Мф. 25, 25).

В зависимости от того, сколько любви ты отдаёшь, столько и получишь. Если не дашь любви, не получишь любви. Видишь, мать постоянно отдаёт свою любовь детям, но и

постоянно берёт от детей, и её любовь постоянно растёт. Но когда мы требуем любви от других только для себя, хотим только получать от других и, делая какое-нибудь добро, думаем о воздаянии, тогда у нас не дорогая, а дешёвая любовь. Тогда мы становимся чужими Богу и не получаем любви ни от Бога, ни от других людей,

Те, у кого мирская любовь, спорят друг с другом, кому ухватить для себя побольше любви. Но те, у кого духовная, дорогая любовь, спорят друг с другом, кто отдаст другому больше любви. Они любят, не думая о том, любят их другие или не любят, и даже не требуют, чтобы другие их любили. Хотят постоянно отдавать своё и себя и не требуют от других, чтобы они отдавали им своё и себя. Таких людей любят все, но больше всего Бог, с Которым они одного рода.

Любовь без воздаяния! Не надо оказывать благодеяния с тем, чтобы получить блага. Надо взращивать благородную, дорогую любовь, такую, какой любит Бог, а не дешевую мирскую любовь, которая исполнена всех человеческих немощей.

– Старче, мне трудно отдавать свою любовь туда, где её не оценят.

– У тебя нет настоящей любви, поэтому тебе и трудно. Того, у кого настоящая любовь, не волнует, оценят его любовь или нет. Жертву, которую он совершает ради ближнего по чистой любви, он даже не помнит.

– Как мне научиться забывать добро, которое я делаю?

– Брось его в море... Так и забудешь. Но и зло, которое тебе делают, тоже нужно забывать. Так ты, сама того не замечая, соберёшь себе духовное богатство.

Баллада о пересадке сердца

Я малое сердце отдал,
Его мне вырезал Врач,
И стало оно навсегда
Началом больших отдач.
Оживился сердцем другой,
А после него – еще
Всаживал Врач быстрой рукой
Сердце в живое плечо.
И сердце пошло кочевать
В безмерности без потерь.
Как любовь, как сестра и мать,
Открытая в небо дверь.
А я невредимо хожу,
Стряхнувший сердце, как прах.
Отдавайте сердце ножу,
Отдавайте Врачу сердца!
Его и свое острие
Врачу отточил я сам,
Чтоб вырезал сердце мое
И дал неживым сердцам.
Человек, над сердцем не плачь,
Земных врачей не тревожь,
Есть для всякого сердца Врач
И молний чудесных нож.

Архиеп. Иоанн (Шаховской)

ОСТОРОЖНО: СЛУЖИТЕЛИ ТЬМЫ!

Вся история человечества свидетельствует о том, что в нашем мире происходит непрерывная борьба светлых и темных сил за души людей. При этом, как писал Ф. М. Достоевский, полем битвы становится сердце каждого человека. Об этом многие сегодня забывают и попадаются в искусно расставленные сети всевозможных магов, колдунов, чародеев, которые красиво именуют себя «служителями тайного знания». Но при этом обыкновенно умалчивается, *кто именно* стоит за этим «тайным знанием» и какие последствия ожидают человека после обращения к «целителям» и экстрасенсам...

Священник Димитрий Беженарь

Действительно ли помогают экстрасенсы?

> Ах, обмануть меня нетрудно,
> я сам обманываться рад.
>
> *А. С. Пушкин*

Святая Православная Церковь отрицательно относится ко всем формам оккультизма, магии и всем связанным с ними «уникальным и нетрадиционным дарованиям». Мно-

гие увидят в таком неприятии лишь проявление недовольства более удачливыми конкурентами. Однако на самом деле причины такого отношения более глубокие и серьезные. Все приемы, как магии, так и экстрасенсорики, производятся исключительно демонической силой, а Святой Крест, иконы и «молитвы» лжецелители используют для большего обмана доверившихся им. Есть ряд признаков, позволяющих непредубежденному человеку убедиться в этом. Первый, наиболее яркий признак того, что «целители» действуют не Божественной силой,— они сеют вражду и подозрительность между людьми! А наиважнейшая заповедь Божия призывает любить Бога и ближнего своего как самого себя.

Открываем любую газету, где расположены рекламные объявления оккультных услуг, и читаем под фотографией «известной знахарки и спасительницы», принимающей в одном из кинотеатров столицы: «Большинство людей болеет и страдает из-за черного колдовства, зависти, злости и ревности окружающих». То есть если я страдаю, то виновата в этом не моя собственная греховная жизнь, не моя злость, ревность и зависть, а окружающих меня людей. Открывается широкое поле для подозрений и «справедливого негодования». «Виноваты» могут быть и члены семьи, и родственники, и соседи, и сотрудники, и просто случайный посетитель. «На вас навели порчу, вам сделали насмерть»,— вещает «целительница» очередному ошеломленному пациенту во время индивидуального приема. И чтобы исцелиться, надо непременно найти виновного, а затем, может быть, и «наказать» его, наведя в ответ «порчу и сглаз». Не правда ли, какой легкий и удобный способ предлагают нам современные «целители-спасители»! Иногда даже одной встречи бывает достаточно, чтобы навсегда поссорить близких подруг, невестку и свекровь, а то и мать с дочерью. Вот еще одна услуга —

«за один сеанс устраню соперницу навсегда, результат 100%». Задумаемся, что стоит за этими словами? Согласитесь, если вдруг появится такая информация — «Профессиональный киллер, устраню соперников навсегда», то правоохранительные органы сразу обратят на нее внимание. Когда же подобное предлагает респектабельная бабушка-целительница, это ни у кого не вызывает удивления.

Второй признак, по которому можно судить о том, какой силой и чьей «энергией» производят свои манипуляции экстрасенсы,— это насаждение в обществе грубого, пещерного суеверия. Пациентам предлагают приобрести различные амулеты, фотографии, якобы обладающие «целительной силой» и способные защитить их от воздействия «черных сил». Одновременно рекомендуют тщательно осмотреть свое жилище, вспороть подушки и матрасы,— нет ли там какой-нибудь заколдованной булавки, подсунутой недругами. Замечено, что лечившиеся у «целителей» начинают панически бояться обыкновенного мусора, который случайно обнаружат у себя в квартире или за ее порогом.

«Древо познается по плоду»,— слышим мы предостерегающий нас голос Христа Спасителя со страниц святого Евангелия. Кроме двух вышеперечисленных признаков демонического источника современных лжецелительств, третий — это возбуждение в человеке страстей и похоти. «Приворожу любимого», «верну привлекательность», «сниму венец безбрачия» и тому подобные услуги пользуются большой популярностью, почему их предлагают даже начинающие целители. Такие услуги, за которые часто благодарят «исцеленные», на языке Православной Церкви называются возбуждением блудной похоти. А она, в свою очередь, является слишком гнилым и шатким фундаментом для построения прочного семейного счастья.

Что касается лечения травами, то Святая Церковь ничего против этого не имеет. Необходимо помнить лишь один момент. Если человек делает травяные сборы и, предлагая их, этим ограничивается, тут нет ничего плохого. Если же вместе с ними начинает «нашептывать», «заговаривать», «свечкой водить» и «ауру чистить», то есть выявляется некая «духовная составляющая» – все признаки, что идет связь с конкретными духами, о которых Святая Церковь давно имеет суждение.

Важно помнить, что Святая Церковь – это Тело Христово, в Ней таинственным образом пребывает Дух Святой. Вероучение Церкви построено не на абстрактных умозаключениях, а на реальном опыте духовно-нравственной жизни. Поэтому если Святая Церковь говорит «нельзя» – это не прихоть и не ретроградство, а забота о духовной безопасности людей. Невидимый духовный мир разделен на две части: на ту, что служит Богу, и ту, которая от Него отпала. Для невоцерковленного человека* граница кажется размытой, однако она есть и очень определенная. Духи богоборческие никогда не скажут правду и никогда не помогут.

В заключение скажем, что Господь гораздо сильнее, чем все ворожеи и «чудо-целители», и, когда человек искренно кается и изменяет свою жизнь, в Святой Церкви он обретает подлинное исцеление и души, и тела. Святая Православная Церковь всегда возносит свои молитвы Богу, дабы Он даровал людям способность всегда отличить добро от замаскированного под него зла.

* Невоцерковленным называется человек, который не ходит в Церковь и не участвует в ее Таинствах (например, не исповедуется и не причащается).

Ванга

Широко известная «прорицательница и провидица» Ванга проживала на территории Неврокопской епархии*, предстоятелем которой является владыка Нафанаил. До сих пор многие считают Вангу православной и уверяют, что она действовала с благословения и согласия священноначалия. Именно для таких людей и предназначен этот рассказ.

Однажды, незадолго до смерти Ванги, к митрополиту Нафанаилу прибыли посланцы от нее и передали ее просьбу приехать к ней. Ванга сообщала владыке, что очень нуждается в его совете и нижайше просит его снизойти к ее старости и болезни и приехать к ней. Владыка, надеясь, что, может быть, она желает покаяться, обещал приехать. Это вполне естественный поступок для доброго пастыря, пекущегося о каждой овце своего стада, тем паче о заблудшей.

Когда владыка через несколько дней приехал и вошел в комнату старухи, он держал в руках крест-мощевик с частицей Честного Креста Господня. В комнате было много народу, Ванга сидела в глубине, что-то вещала и не могла слышать, что еще один человек тихо вошел в дверь. Уж, во всяком случае, она не могла знать, кто это. Вдруг она прервалась и изменившимся — низким, хриплым — голосом с усилием проговорила: «Сюда кто-то зашел. Пусть он немедленно бросит на пол ЭТО!». «Что «это»?» — спросили у Ванги ошеломленные окружающие. И тут она сорвалась на бешеный крик: «ЭТО! Он держит ЭТО в руках! ЭТО мешает мне говорить! Из-за ЭТОГО я ничего не вижу! Я не хочу, чтобы ЭТО было в моем доме!» — вопила старуха, стуча ногами и раскачиваясь. Владыка развернулся, вышел, сел в машину и уехал.

А. Дворкин

---

* Болгария

Контактер

В августе 1991 года, будучи в Санкт-Петербурге, после службы в Спасо-Парголовской церкви мне довелось беседовать с 16-летним юношей по имени Константин. Он поведал мне следующую историю. Бабка у него была колдунья. Когда она умирала, Константину было семь лет. Бабушка умирала с великим трудом, смерть не шла к ней. Никто из взрослых не хотел перенимать ее «способностей». И вот она подозвала малолетнего Константина, взяла за руку, что-то шептала и заставляла это повторять. После этого умерла. Вскоре у мальчика начали проявляться необычные экстрасенсорные способности: ясновидение, способность лечить. Быстро нашлись учителя, помогающие дальнейшему развитию «дарований». Они стали использовать его как медиума, через него общаться с «высшими космическими силами». У Константина появилась постоянная связь с «внеземными цивилизациями».

Усовершенствовавшись на специальных курсах по подготовке экстрасенсов, бедный юноша открыл свою практику, стал «лечить» людей. Только вот беда — в Церковь не мог ходить. По словам Кости, здесь у него страшно болит голова и сердце, приходилось выходить во время службы из храма.

— Почему это случается со мной? — спрашивал у меня паренек,— ведь я творю добро, лечу людей?

— А как ты лечишь? — задал я ответный вопрос.

— Обычно полем, руками, а вот недавно вывел душу одной женщины в космос и там ей объяснили, в чем причина болезни.

— Как ты это сделал?

— Стал читать «Отче наш», на вибрации, ввел ее в нужное состояние и отправил.

– Прочти,– попросил я.

Константин весь затрясся от напряжения, загудел неожиданно громким и пронзительным голосом, коверкая, искажая, опуская и переставляя слова святой молитвы.

Я начал читать про себя заклинательную молитву на изгнание бесов «Да воскреснет Бог и расточатся врази его». Молиться было очень тяжело, злая сила сбивала и не давала произносить давно заученные слова. Но я все равно продолжал молитву. Вдруг Константин побледнел и замолчал, сказав, что у него заболело сердце и сегодня почему-то не получается.

– Не получается по одной простой причине,– заметил я,– силы, которые в тебе и во мне,– противоположны. Злые духи не выдерживают действия благодати, она их жжет, потому при молитве они и бессильны.

– Так значит, я действую силою бесовскою? – удивился юноша.

– Да. И людей ты не лечишь, а калечишь, духовно связывая их с падшими духами.

– Что-то мне плохо, кружится голова, заболело сердце. Из космоса мне говорят, что накажут за то, что я разговариваю с вами. Я перестал понимать, что вы говорите.

– Встань спокойно,– попросил я и начал читать заклинательные молитвы, крестя его иерейским благословением. Юноша побледнел, затрясся, лицо его исказилось и стало очень старым и морщинистым, казалось, еще секунда, и он упадет в обморок.

Но Костя не упал. Когда были прочитаны последние слова молитвы, облик его изменился, он порозовел и стал смотреть на меня осмысленно и с интересом.

– Как будто огонь сошел на меня и попалил все черное, что было во мне,– передал он свои ощущения.– Теперь все, что от бабки-колдуньи, ушло?

О, бедный мальчик, если бы я мог сказать тебе – да. Многое я бы отдал за это. Но игры с нечистой силой даром ни для кого не проходят. Бывает, что всю жизнь расплачивается человек за одну роковую ошибку. Не так просто отходят нечистые злые духи от людей, водившихся с ними.

– Что мне теперь делать? – спросил он.

– Брось все, забудь про всякое лечение, про все экстрасенсорные «дарования», всю эту темную науку. Начни каяться, исповедоваться, молиться, причащаться, часто ходить в церковь. И приготовься к скорбям и терпению. Так просто демоны тебя не оставят. Но будь мужествен, и Господь спасет тебя.

– Это невозможно,– почти закричал Константин,– мне говорят, что если я брошу лечить, все больные мои погибнут, и сам я умру жестокой смертью.

– Это все бесовские страхи, мой дорогой мальчик. Просто бесы лишаются своего орудия, через которое губят души других, и потому цепляются за тебя всеми силами. Не слушай их, иначе погибнешь. Смело иди за Христом и спасешься.

На следующий день после разговора я уехал к себе в приход, много испытав пакостей от злых духов за эту беседу и молитву. Паренька этого больше увидеть не довелось. Но молюсь за него и за все искалеченные ложной мистикой и атеизмом русские души.

Священник Алексий Мороз

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Сказка про подснежник

На лесной опушке лежал снег. Все вокруг было словно покрыто толстым одеялом из густого белого меха. Ели и березы зябко кутались в белые шали. Не журчал ручей под зимней пеленой. Казалось, так будет всегда... И пусть ярче светит солнце, как бы невзначай прожигая зимнее покрывало, — слежавшиеся в колкие льдинки снежинки не видели в этом угрозы своему владычеству. За наивным потеплением вновь последуют морозы и метели, свежий снег покроет расчищенные горячим светилом проталины... Так думали они. Но однажды...

— Нет, это же надо! Каков наглец!

— Осмелиться в наше время появиться с такими зелеными листьями!

— А сам-то, сам-то! Беленьким прикидывается, под нас маскируется!

— А внутри розовый!

— Одно слово — бестолковый мечтатель! Безнадежно отстал от жизни...— так шипели и скрежетали льдинки и снежинки, окружившие тесным кольцом маленький подснежник, пробившийся в самой середине крошечной проталины. Подозрительно косясь на чужака, они пытались окутать его сво-

им инеем, пересмеивались и перешептывались, вновь и вновь обсуждая: как же это глупо — теперь, после четырехмесячного безраздельного властвования зимней стихии, завоевавшей, кажется, весь свет, поверить в какое-то потепление и вырасти — чуть ли не среди сугробов — розовым цветком. «Ничего,— злорадствовали они,— скоро вновь грянет морозец, и это растеньице тычинкой не успеет моргнуть, как превратится в подобную нам ледышку. Неужели он не понимает, что время цветов миновало уже полгода назад?! Они исчерпали себя, пожухли, увяли — осень это доказала, и настала эра зимы. Теперь лесное сообщество не нуждается в этих наивных травах. Снег — вот высшее развитие природы, ее реальность!».

А подснежник тянулся к согревающему его солнцу и старался не обращать внимания на ледяной скрежет. Он всеми лепестками впитывал живительное тепло и свет, старался вобрать их побольше, чтобы отогреть землю близ себя... Порождения зимы ярились, изо всех сил пытаясь заморозить первенца весны. Потеряв терпение, они во весь голос закричали ему:

— Да прекрати же ты упорствовать! Покройся инеем, стань таким же, как все! Перестань тянуться к теплу, когда его так мало в этом мире, где победила зима!

И тогда подснежник заговорил. Он поднял свою нежную головку и тихо произнес:

— Бедные глупые льдинки! Неужели вы думаете, что солнце, даровавшее мне жизнь среди вашего владычества, не

сможет на том самом месте, где вы хотите царствовать вечно, устроить прекрасный сад, в котором я буду самым маленьким и незаметным цветком? А стать, как вы... Перестать стремиться к солнечному теплу... Но в этом моя жизнь!..

Он не успел договорить. Сугробы затряслись от безумного хохота мириадов колких льдинок, упивавшихся своим превосходством над крошечным живым цветком... Но через месяц ручей журчал, и опушка леса была покрыта нежным ковром молодой травки, в которой пестрели десятки и сотни радовавшихся солнцу цветов.

Е. Алексеевская

* * *

С пепельного неба пеплом снег
Посыпает старой церкви главы,
А вокруг шумит двадцатый век,
Напиваясь гибельной отравы.

Русый отрок в курточке лихой
Снял шапчонку – и перекрестился!
Значит, не настолько век плохой
Или к лучшему переменился.

Влажный ветер плещется весной,
Мягкий март в пушистых вербах веет.
Русый отрок сердцем разумеет:
Мир во зле, но сам-то мир – святой.

Н. Карташева

Дурачок

Кого надо считать дураком? Кажется, будто это всякий знает, а если начать сверять, как кто это понимает, то и выйдет, что все понимают о дураке неодинаково. По академическому словарю, где каждое слово растолковано в его значении, изъяснено так, что «дурак — слабоумный человек, глупый, лишенный рассудка, безумный, шут»... В подкрепление такого толкования приведен словесный пример: «Он был и будет дурак-дураком». «Дурачок — смягчение слова дурак». Ученее этого объяснения уже и искать нечего, а между тем в жизни случается встречать таких дураков или дурачков, которым эта кличка дана, но они, между тем, не безумны, не глупы и ничего шутовского из себя не представляют... Это люди любопытные, и про одного такого я здесь и расскажу.

Был у нас в деревне безродный крепостной мальчик Панька. Рос он при господском дворе, ходил в том, что ему давали, а ел на застольщине вместе с коровницею и с ее детьми. Должность у него была такая, чтобы «всем помогать»; это значило, что все должностные люди в усадьбе имели право заставлять Паньку делать за них всякую работу, и он, бывало, беспрестанно работает. Как сейчас его помню: бывало, зимою,— у нас зимы бывают лютые,— когда мы встанем и подбежим к окнам, Панька уже везет на себе, изогнувшись, большие салазки с вязанками сена, соломы и с плетушками колоса и другого мелкого корма для скотины и птиц. Мы встаем, а он уже наработался, и редко увидишь его, что он присядет в скотной избе и ест краюшку хлебца, а запивает водою из деревянного ковшика.

Спросишь его, бывало:

— Что ты, Паня, один сухой хлеб жуешь? А он шутя отвечает:

— Как так «с ухой»? — он, гляди-ко, с чистой водицею.

– А ты бы еще чего-нибудь попросил: капустки, огурца или картошечки!

А Паня головой мотнет и отвечает:

– Ну, вот еще чего!.. Я и так наелся,– слава-те, Господи!

Подпояшется и опять на двор идет таскать то одно, то другое. Работа у него никогда не переводилась, потому что все его заставляли помогать себе. Он и конюшни, и хлева чистил, и скоту корм задавал, и овец на водопой гонял, а вечером, бывало, еще себе и другим лапти плетет, и ложился он, бывало, позже всех, а вставал раньше всех, до-света, и одет был всегда очень плохо и скаредно. И его, бывало, никто и не жалеет, а все говорят:

– Ему ведь ничего,– он дурачок.

– А чем же он дурачок?

– Да всем...

– А например?

– Да что за пример! – вон коровница-то все огурцы и картошки своим детям отдает, а он, хоть бы что ему... и не просит у них, и на них не жалуется. Дурак!

Мы, дети, не могли хорошо в этом разобраться, и хоть глупостей от Паньки никогда не слыхали, и даже видели от него ласку, потому что он делал нам игрушечные мельницы и туесочки из бересты,– однако и мы, как все в доме, одинаково говорили, что Панька дурачок, и никто против этого не спорил, а скоро вышел такой случай, что об этом уже и нельзя стало спорить.

Был у нас нанят строгий-престрогий управитель, и любил он за всякую вину человека наказывать. Едет, бывало, на беговых дрожках и по всем сторонам смотрит: нет ли где какой неисправности? И если заметит что-нибудь в беспорядке – сейчас же остановится, подзовет виноватого и приказывает:

— Ступай сейчас в контору и скажи моим именем старосте, чтобы дали тебе двадцать пять розог; а если слукавишь — я тебе вечером при себе велю вдвое дать.

Прощенья у него уж и не смели просить, потому что он этого терпеть не мог и еще прибавлял наказание.

Вот раз, летом, едет этот управляющий и видит, что в молодых хлебах жеребята ходят и не столько зелени рвут, сколько ее топчут и копытами с корнями выколупывают...

Управитель и расшумелся.

А жеребят в этот год был приставлен стеречь мальчик Петруша,— сын той самой Арины-коровницы, которая Паньке картошек жалела, а все своим детям отдавала. Петруша этот имел в ту пору лет двенадцать и был телом много помельче Паньки и понежнее, за это его и дразнили «творожничком» — словом, он был мальчик у матери избалованный и на работу слабый, а на расправу жидкий. Выгнал он

жеребят рано утром «на-росу», и стало его знобить, а он сел да укрылся свиткою, и как согрелся, то на него нашел сон — он и заснул, а жеребятки в это время в хлеб и взошли.

Управитель, как увидал это, так сейчас стегнул Петю и говорит:

— Пусть Панька пока и за своим, и за твоим делом посмотрит, а ты сейчас иди в разрядную контору и скажи выборному, чтобы он тебе двадцать розог дал; а если это до моего возвращенья домой не исполнишь, то я при себе тогда тебе вдвое дам.

Сказал это и уехал. А Петруша так и залился слезами. Весь трясется, потому что никогда его еще розгами не наказывали, и говорит он Паньке:

— Брат милый, Панюшка, очень страшно мне... скажи, как мне быть?

А Панька его по головке погладил и говорит:

— И мне тоже страшно было... Что с этим делать-то ... Христа били...

А Петруша еще горче плачет и говорит:

— Боюсь я идти и боюсь не идти... Лучше я в воду кинуся.

А Панька его уговаривал-уговаривал, а потом сказал:

— Ну, постой же ты: оставайся здесь и смотри за моим и за своим делом, а я скорей сбегаю, за тебя постараюся,— авось тебя Бог помилует. Видишь, ты трус какой.

Петруша спрашивает:

— А как же ты, Панюшка, постараешься?

— Да уж я штуку выдумал — постараюся!

И побежал Панька через поле к усадьбе резвенько, а через час назад идет, улыбается.

— Не робей,— говорит,— Петька, все сделано; и не ходи никуда — с тебя наказанье избавлено.

Петька думает:

«Все равно: надо верить ему»,— и не пошел; а вечером управляющий спрашивает у выборного в разрядной избе:

— Что, пастушонок утром приходил сечься?

— Как же,— говорит,— приходил, ваша милость.

— Взбрызнули его?

— Да,— говорит,— взбрызнули.

— И хорошо?

— Хорошо,— постаралися.

Дело и успокоилось, а потом узнали, что высекли-то пастушонка, да не того, которого было назначено, не Петра, а Паньку, и пошло это по усадьбе и по деревне, и все над Панькой смеялись, а Петю уже не стали сечь.

— Что же,— говорили,— уже если дурак его выручил,— нехорошо двух за одну вину разом наказывать. Ну, не дурак ли, взаправду, наш Панька был?

И так он все и дальше жил.

Сделалась через несколько лет в Крыму война, и начали набирать рекрутов. Плач по деревне пошел: никому на войне страдать-то не хочется. Особенно матери о сыновьях убиваются — всякой своего сына жалко.

А Паньке в это время уже совершенные годы исполнились, и он вдруг приходит к помещику и сам просится:

— Велите,— говорит,— меня отвести в город — в солдаты отдать.

— Что же тебе за охота?

— Да так,— отвечает,— очень мне вдруг охота пришла.

— Да отчего? Ты обдумайся.

— Нет,— говорит,— некогда думать-то.

— Отчего некогда?

— Да нешто не слышно вам, что вокруг плачут, а я ведь любимый у Господа,— обо мне плакать некому,— я и хочу идти.

Его отговаривали.

— Посмотри-ка, мол, какой ты неуклюжий-то: над тобой на войне-то, пожалуй, все расхохочутся. А он отвечает:

— То и радостней: хохотать-то ведь веселее, чем ссориться; если всем весело станет, так тогда все и замирятся.

Еще раз сказали ему:

— Утешай-ка лучше сам себя да живи дома!

Но он на своем твердо стоял.

— Нет, мне,— говорит,— это будет утешнее.

Его и утешили — отвезли в город и отдали в рекруты, а когда сдатчики возвратились,— с любопытством их стали расспрашивать:

— Ну, как наш Дурак остался там? Не видали ли вы его после сдачи-то?

— Как же,— говорят,— видели.

— Небось, смеются все над ним,— какой увалень?

— Да,— говорят,— на самых первых порах-то было смеялися, да он на все на два рубля, которые мы дали ему награждения, на базаре целые ночвы пирогов с горохом и с кашей купил и всем по одному роздал, а себя позабыл... Все стали головами качать и стали ломать ему по половиночке. А он застыдился и говорит:

— Что вы, братцы, я ведь без хитрости! Кушайте.

Рекрута его стали дружно похлопывать:

— Какой, мол, ты ласковый!

А на утро он раньше всех в казарме встал, да все убрал и старым солдатам всем сапоги вычистил. Стали хвалить его, и старики у нас спрашивали:

— Что он у вас, дурачок, что ли?

Сдатчики отвечали:

— Не дурак, а... малость сроду так.

Так Панька и пошел служить со своим дурачеством и провел всю войну в «профосах» — за всеми позади рвы ко-

пал да пакость закапывал, а как вышел в отставку, так, по привычке к пастушеству, нанялся у степных татар конские табуны пасти.

Отправился он к татарам из Пензы и не бывал назад много лет, а скитался, гоняя коней, где-то вдали, около безводных Рын-Лесков, где тогда кочевал большой местный богач Хан-Джангар. А Хан-Джангар, когда приезжал на Суру лошадей продавать, то на тот час держал себя будто и покорно, но у себя в степи что хотел, то и делал; кого хотел – казнил, кого хотел – того миловал.

За отдаленностью дикой пустыни следить за ним было невозможно, и он, как хотел, так и своевольничал. Но расправлялся он так не один: находились и другие такие же самоуправцы, и в числе их появился один лихой вор, по имени Хабибула, и стал он угонять у Хана-Джангара много самых лучших лошадей, и долго никак его не могли поймать. Но вот раз сделалась у одних и других татар свалка, и Хабибулу ранили и схватили. А время было такое, что Хан-Джангар спешил в Пензу, и ему никак нельзя было остановиться и сделать над Хабибулою суд и казнить его такою страшною казнью, чтобы навести страх и ужас на других воров.

Чтобы не опоздать в Пензу на ярмарку и не показаться с Хабибулой в таких местах, где русские власти есть, Хан-Джангар и решил оставить при малом и скудном источнике Паньку с одним конем и раненого Хабибулу, окованного в конских железах. И оставил им пшена и бурдюк воды и наказал Паньке настрого:

– Береги этого человека, как свою душу! Понял?

Панька говорит:

– Чего ж не понять-то! Вполне понял, и как ты сказал, я так точно и сделаю.

Хан-Джангар со всей своей ордой и уехал, а Панька стал говорить Хабибуле:

— Вот до чего тебя твое воровство довело! Такой ты большой молодец, а все твое молодечество не к добру, а ко злу. Ты бы лучше исправился.

А Хабибула ему отвечает:

— Если я до сих пор не исправился, так теперь уж и некогда.

— Как это «некогда»! Только в том ведь и дело все, чтобы хорошо захотеть человеку исправиться, а остальное все само придет... В тебе ведь душа такая же, как и во всех людях: брось дурное, а Бог тебе сейчас зачнет помогать делать хорошее, вот и пойдет все хорошо.

А Хабибула слушает и вздыхает.

— Нет,— говорит,— уже про это некстати и думать теперь!

— Да отчего же некстати-то?

— Да оттого, что я окован и смерти жду.

— А я тебя возьму да и выпущу.

Хабибула ушам своим не поверил, а Панька ему улыбается ласково и говорит:

— Я тебе не шучу, а правду говорю. Хан мне сказал, чтобы я тебя «как свою душу берег», а ведь знаешь ли, как надо сберечь душу-то? Надо, брат, ее не жалеть, а пусть ее за другого пострадает — вот мне теперь это и надобно, потому что я терпеть не могу, когда других мучают. Я тебя раскую и на коня посажу, и ступай, спасай себя, где надеешься, а если станешь опять зло творить — ну, уж тогда не меня обманешь, а Господа. И с этим присел и сломал на Хабибуле конские железные путы, и посадил его на коня, и сказал:

— Ступай с миром на все стороны.

А сам остался ожидать здесь возвращения Хана-Джангара,— и ждал его очень долго, пока ручеек высох и в бурдюке воды осталось очень немножечко.

Тогда и прибыл Хан-Джангар со своей свитой. Осмотрелся хан и спрашивает:

— А где Хабибула?

Панька отвечает:

— Я отпустил его.

— Как отпустил? Что ты такое рассказываешь?

— Я тебе говорю то, что взаправду сделал по твоему велению и по своему хотению. Ты мне велел беречь его как свою душу, а я свою душу так берегу, что желаю пустить ее помучиться за ближнего... Ты ведь хотел замучить Хабибулу, а я терпеть не могу, чтобы других мучили,— вот возьми меня и вели меня вместо его мучить,— пусть моя душа будет счастливая и от всех страхов свободная, потому что ведь я ни тебя, ни других — никого не боюся ни капельки.

Тут Хан-Джангар стал водить глазами во все стороны, а потом на голове тюбетейку поправил и говорит своим:

— Подойдите-ка все поближе ко мне: я вам скажу, что мне кажется.

Татары вокруг Хана-Джангара стеснилися. А он сказал им потихонечку:

— А ведь Паньку, сдается, нельзя казнить, потому что в душе его, может быть, Ангел был...

— Да,— отвечали татары все одним тихим голосом,— нельзя нам ему вредить: мы его не поняли за много лет, а теперь он в одно мгновенье всем нам ясен стал: он ведь, может быть, праведный.

Н. С. Лесков

Колодец

Колодец вырыт был давно,
Все камнем выложено дно,
Но сруб осыпался и сгнил
И дно подернул вязкий ил.
Крапива выросла вокруг,
И самый вход заткал паук.
Сломав жилище паука,
Трухлявый сруб задев слегка,
Я опустил бадью туда,
Где тускло брезжила вода.
И зачерпнул – и был не рад:
Какой-то тлен, какой-то смрад.
У старожила я спросил:
Зачем такой колодец сгнил?
А как не сгнить ему, сынок,
Хоть он и к месту, и глубок,
Да из него который год
Уже не черпает народ.
Он доброй влагою налит,
Но жив, пока народ поит,–
И понял я, что верен он,
Великий жизненный закон:
Кто доброй влагою налит,
Тот жив, пока народ поит.
И если светел твой родник,
Пусть он не так уж и велик,
Ты у истоков родника
Не вешай от людей замка.
Душевной влаги не таи,
Но глубже черпай и пои!
И, сберегая жизни дни,
Ты от себя не прогони
Ни вдохновенья, ни любви,
Но глубже черпай и живи!

В. Солоухин

ШКОЛА ДОБРА

* * *

В годину смут, унынья и разврата
Не осуждай заблудшего ты брата;
Но, ополчась молитвой и крестом,
Пред гордостью — свою смиряй гордыню,
Пред злобою — любви познай святыню
И духа тьмы казни в себе самом.

Не говори: «Я капля в этом море,
Моя печаль бессильна в общем горе,
Моя любовь бесследно пропадет...».
Смирись душой — и мощь свою постигнешь.
Поверь любви — и горы ты подвигнешь,
И укротишь пучину бурных вод.

А. Голенищев-Кутузов

Елизавета Феодоровна и бродяга

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, родная сестра императрицы Александры Феодоровны, неутомимо ходила из одного притона в другой, собирая сирот и уговаривая родителей передать ей для воспитания своих детей. Жаргон жителей Хитровки она едва понимала, но знание человеческих душ и умелый подход ее к таким людям делали то,

что ее слова доходили до их сознания и сердец, и они, нередко расчувствовавшись до слез, вверяли ей своих детей.

Мальчики устраивались в общежития, где они, имея хорошее питание и воспитание, быстро укреплялись физически и духовно, а некоторые, продолжая жить с родителями, принимались под постоянное наблюдение и перевоспитание. Из одной группы таких недавних оборванцев образовалась артель исполнительных юношей-посыльных Москвы. Девочек устраивали в закрытые учебные заведения или приюты, где также следили за их здоровьем и духовным ростом. Все население Хитрова рынка знало и уважало Великую княгиню. Как писала Е. М. Алмединген, не было ни одного случая, чтобы кто-либо из жителей Хитровки оскорбил или унизил Великую княгиню. Ее там обожали и называли или сестрой Елизаветой, или матушкой.

Покойная игуменья Гефсиманской обители матушка Варвара, лично знавшая Елизавету Феодоровну, передала о ней следующий случай, который произошел на Хитровом рынке.

Однажды Великая княгиня в сопровождении казначея Марфо-Мариинской обители В. Гордеевой, вошла в один из притонов Хитровки. Ее глазам представилась следующая картина: несколько грязных бродяг сидели за столом с бутылкой водки и играли в карты. Среди них, подперев голову руками и устремив куда-то в пространство свой взгляд, сидел мужчина. Елизавета Феодоровна обратилась к нему со словами: «Добрый человек...». В ответ ей сразу же раздалось: «Какой он добрый? Это последний вор и негодяй...». Но Великая княгиня, не обратив внимания на такую аттестацию, сказала ему, что ее мешок, где находятся деньги и вещи для раздачи бедным, очень тяжел и она просит помочь ей донести его до Марфо-Мариинской обители.

Бродяга сразу же поднялся и сказал, что немедленно исполнит ее просьбу. Причем, разговаривая с Великой княгиней, он обращался к ней очень почтительно, называя ее «Ваше Высочество». Со всех сторон раздались сразу же сильные протесты. Все стали говорить Великой княгине, что он по дороге продаст содержимое мешка, а деньги пропьет. Но она была непреклонна. Она передала ему свою ношу и не спеша направилась в свою обитель. Когда она пришла туда, ей сказали, что какой-то незнакомец принес ее мешок. Елизавета Феодоровна забеспокоилась, напоили ли его сестры чаем и дали ли поесть? Узнав, что нет, она распорядилась сразу же это сделать.

Накормленный сестрами бродяга обратился к Великой княгине с просьбой проверить содержимое мешка, и, когда там оказалось все в порядке, он стал проситься взять его на работу в Марфо-Мариинскую обитель. Елизавета Феодоровна исполнила его просьбу и назначила его помощником садовника.

С тех пор он совершенно переменился: перестал пить и воровать, хорошо выполнял свою работу и стал усердно посещать храм Божий.

Этот случай был рассказан г-жой Гордеевой матушке Варваре, тогда еще Валентине Цветковой.

Подобных примеров спасения заблудших душ человеческих было много в жизни Елизаветы Феодоровны — многие были обязаны ей своим спасением.

Л. Миллер

Самая милосердная женщина

В Смоленской области есть деревенька Подосинки, где жила моя прабабушка Екатерина Егоровна Павлова.

Во время войны деревня была оккупирована. Взрослые терпеливо переносили все тяготы, а маленькие дети страдали. Однажды по улице шли немецкие солдаты, пили, ели, смеялись. Вдруг к ним выбежал мальчик лет пяти и протянул худые ручонки к одному из молодых солдат, жевавшему бутерброд. Тот достал из вещмешка буханку хлеба и протянул ему. Не успел мальчик добежать до калитки, как раздались выстрелы. Солдата же схватили, потащили по дороге. Потом его долго били, выколачивая признание, что он русский шпион. Это происходило недалеко от бабушкиного дома. Ночью, когда немцы уснули, она молча одела своих детей, отвела их к надёжным соседям, а сама отправилась к сараю, где был немецкий солдат. Часового она сняла без единого шороха (на волка одна в лес ходила), сломала замок, взвалила на плечи бесчувственное тело и ушла из деревни.

Прошло много лет. Бабушка Катерина умерла. Солдат Питер сейчас живёт в Туле. На годовщину бабушкиной смерти он приехал с большой корзиной цветов и сам прикрепил к памятнику табличку с надписью «Здесь лежит самая милосердная женщина на Земле».

Юля Кошелева (г. Смоленск)

Всемилостивый Господи, помажь сердце мое елеем милости Твоей. Да никогда не вспыхнет в нем гнев на сильного, не зародится презрение к слабому. Посмотри, роса утренняя всех слабее...

Да никогда не совьет гнезда в сердце моем ненависть к ненавидящим меня. Да вспомню я о конце их и сохраню мир свой. Милосердие открывает путь к сердцу всякой твари и несет радость. Немилосердие омрачает чело и несет печаль одиночества.

Помилуй милостивого, рука пренежная, и открой ему тайну милости Твоей...

Святитель Николай Сербский

Текст одной древней молитвы
(по архиепископу Иоанну (Шаховскому))

Господи Боже мой, удостой меня быть орудием мира Твоего,

Чтобы я вносил любовь туда — где ненависть,

Чтобы я прощал — где обижают,

Чтобы я соединял — где есть ссора,

Чтобы я говорил правду — где господствует заблуждение,

Чтобы я воздвигал веру — где давит сомнение,

Чтобы я возбуждал надежду — где мучает отчаяние,

Чтобы я вносил свет во тьму,

Чтобы я возбуждал радость — где горе живет.

Господи, Боже мой, удостой, не чтобы меня утешали, но чтобы я утешал,

Не чтобы меня понимали, но чтобы я других понимал.

Не чтобы меня любили, но чтобы я других любил.

Ибо кто дает — тот получает,

Кто забывает себя — тот обретает,

Кто прощает — тот простится,

Кто умирает — тот просыпается к вечной жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ О СВЯТЫХ

Тайна святости 3
Л. Маяну. Мы бежим, оглянуться не в силах... 12
Н. Аксакова. Молитва на лесной поляне 13
С. Есенин. За горами, за жёлтыми долами... 20
Тайный благотворитель 21
Старец с вокзала 23
Сергий Радонежский и поселянин 25
К. Мокиевский. Преподобному Сергию Радонежскому 29
Ошибка адвоката 30
Судьба атеиста 33
Н. Павлович. Последнее поколение 34
Святитель Николай Сербский. Письмо молодому учителю, спрашивающему, есть ли сейчас истинные христиане 35
Л. Маяну. Иди за Мной! Заботы все оставь... 36
И. А. Ильин. Дом Пресвятой Богородицы 37
Всем святым, в земле Российской просиявшим 38

БЕСЕДА СО СТАРЦЕМ

Преподобный авва Дорофей. Тот, кто приближается к Богу, приближается и к ближнему 40
Старец Паисий Афонский. О настоящей любви 41
Архиеп. Иоанн (Шаховской). Баллада о пересадке сердца 43

ОСТОРОЖНО: СЛУЖИТЕЛИ ТЬМЫ!

Священник Димитрий Беженарь. Действительно ли помогают экстрасенсы? 44
А. Дворкин. Ванга 48
Священник Алексий Мороз. Контактер 49

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Е. Алексеевская. Сказка про подснежник 52
Н. Карташева. С пепельного неба пеплом снег... 54
Н.С. Лесков. Дурачок 55
В. Солоухин. Колодец 64

ШКОЛА ДОБРА

А. Голенищев-Кутузов. В годину смут, унынья и разврата... 65
Л. Миллер. Елизавета Феодоровна и бродяга 65
Ю. Кошелева. Самая милосердная женщина 68
Текст одной древней молитвы (по архиепископу Иоанну (Шаховскому)) 70

Просьба в хозяйственных целях не использовать

Подписано в печать 16.06.2008. Формат 60×84 $^1/_{16}$.
Гарнитура «НьюБаскервилль». Печать офсетная.
Объем 4,5 печ. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1404

«Камо грядеши?» или «Куда идешь?» — этот вопрос апостола Петра из древнего предания вполне можно адресовать каждому из нас.

Задумаемся: куда мы идем, за кем или за чем мы следуем?

Многие ли из нас готовы вместе с Апостолом сказать: Нам некуда идти от Тебя, Господи, ибо у Тебя глаголы Вечной жизни.

Быть может, этот сборник поможет тебе, дорогой читатель, по-новому взглянуть на самого себя и на окружающий мир, получить ответы на свои вопросы.